
Алек Янцен
Ликвидность
18+

Алек Янцен
Ликвидность

https://litres.ru/74715842
SelfPub; 2026

Аннотация

Люди этого города не отбрасывают теней — они отбрасывают балансы. Молодость идёт за ипотеку, талант — за должность, способность любить — инкассируется корпорацией «Аква-Вита». Арсений, ликвидатор с идеальным нулём вместо души, получает задание: найти три замка хранилища, где заперта вся вода города — вся его живая, неучтённая, несбывшаяся жизнь. Он ищет замки в разных людях, но последний находит в собственной груди. Чтобы вода потекла, нужно произнести слово наоборот. Не «дай» — «дайся».

Антиутопия о рынке чувств: магический реализм в эстетике нео-нуара, где незачётная тоска по живому считается по формуле сложного процента.

Ликвидность

ЛИКВИДНОСТЬ

роман

Аннотация

Люди в этом городе не отбрасывают теней — они отбрасывают балансы. Долг здесь не абстракция: он пахнет озоном, тянет на плечах мешком мокрого песка и пришит к аорте кривыми стежками векселя. Талант рифмовать кровь и луну можно обменять на должность младшего аналитика. Способность любить — инкассировать, как просроченный кредит.

Арсений — ликвидатор корпорации «Аква-Вита», здания, которое пьёт звук. Он инвентаризирует чужие «могло бы быть» и не чувствует ничего: у него идеальный баланс — абсолютный ноль. Он заложил способность удивляться, продал право на ошибку, списал в ноль сам себя. И потому он — самый богатый и самый мёртвый человек в этом городе.

Но в подвале корпорации стоит титановый саркофаг, а в нём — высохшее русло реки. Корпорация заперла воду — всю ликвидность города, всё живое, что люди отдали, чтобы не чувствовать, — и вода забыла, как течь. Чтобы открыть шлюзы, нужно найти три замка. Они не заперты снаружи:

первый отпирается тем, чего у тебя нет, но что ты уже отдал; второй — тем, что видишь в чужом кармане, но не берёшь; третий — тем, что растёт, когда его считают, и исчезает, когда его прячут.

Арсений ищет замки в других людях — и находит последний в собственной груди. Потому что замки не взламывают. Ликвидаторы их читают. А последний надо не прочитать — произнести вслух. Словом наоборот: не «дай», а «дайся».

«Ликвидность» — антиутопия об экономике чувств, где нежность разливают по флаконам для совета директоров, раскаяние сжигают как топливо, а высвобождение души описано с точностью бухгалтерской проводки. Магический реализм в эстетике неонуара: чёрный монолит, капля в чаше и вода цвета мокрого асфальта, которая идёт в сухое русло — не потому, что её попросили, а потому, что перестали запирать

«Три замка — не на двери, а на слове.

Первый отпирается тем, чего у тебя нет, но что ты уже отдал.

Второй — тем, что ты видишь в чужом кармане, но не берёшь.

Третий — тем, что растёт, когда его считают, и исчезает, когда его прячут.

Сложи три ключа в одно молчание — и произнеси его

вслух наоборот: не «дай», а «дайся»; не «хочу», а «хочу — и отпускаю».

Тогда вода потечёт в сухое русло, и то, что было пусто, станет полно не потому, что ты просил, а потому, что ты перестал запирать».

ПРОЛОГ. Архитектура чужих снов

Небо над городом имеет цвет выгоревшего пикселя — тусклый, мертвенно-серый, с едва заметной рябью, словно экран, который забыли выключить. Город не спит. Он дышит в такт ритмичному, неумолимому звуку. *Кап. Кап. Кап.* Это не вода. Это звук падающих в вечность секунд, звук, с которым инкассируется человеческое время.

Люди на этих улицах не отбрасывают теней. Они отбрасывают балансы.

За спиной каждого прохожего тянется тяжёлый, липкий шлейф из призрачных цифр. Они пахнут озоном, пылью и старым картоном. Эти цифры цепляются за одежду, за руки, за лица. Они весят. Долг здесь — это не абстракция. Это физическая гравитация. У человека с просроченной ипотекой плечи опущены так низко, будто он тащит на себе мешок с мокрым песком. У того, кто взял кредит на чужую свадьбу, из карманов вырываются нити, впивающиеся в кожу прохожих, заставляя их спотыкаться. Осязаемость долга — вот главный закон этого мира.

Арсений идёт сквозь эту взвесь. Он не раздвигает цифры руками — они проходят сквозь него, не встречая сопротив-

ления. Он — ликвидатор.

Для него чужие «могло бы быть» выглядят не как абстрактные возможности, а как просроченные, пожелтевшие векселя. Они грубо, кривыми стежками пришиты прямо к аортам людей. Нитки — из тусклого, болезненного света. Арсений слышит, как эти векселя шуршат при каждом вдохе, как они трутся о рёбра, вызывая ту самую ноющую, фантомную боль в груди, которую люди путают с усталостью или сердечным приступом.

Он останавливается у стеклянного терминала на углу улицы. Там стоит юноша.

У юноши глаза поэта — в них ещё плещется мутная, но живая вода. Он смотрит на экран терминала, где пульсирует строка: *«Инициация трудового контракта. Залог: нереализованный потенциал. Категория: Творчество / Лирика»*.

Арсений видит, как из груди юноши, прямо из солнечного сплетения, начинает подниматься густое, перламутровое свечение. Это его дар. Дар рифмовать кровь и луну, превращать боль в метафору, а тишину — в крик. Свечение тёплое, оно пахнет грозовым небом и железом.

Юноша прикладывает палец к сканеру.

Щелчок.

Арсений наблюдает эту микро-хирургию души с холодным профессионализмом патологоанатома. Вексель вшивается в аорту. Перламутровое свечение внутри юноши внезапно сжимается в точку, шипит, как раскалённое железо в воде,

и гаснет. На его бейдже, который только что был пуст, проступает тусклый, стальной значок: *«Младший аналитик»*.

Свет над сердцем юноши мигает. Он больше не тёплый. Он становится холодным, стерильным, как свет в операционной. Юноша моргает. В его глазах больше нет ни луны, ни крови. Там только отражение монитора и страх не успеть на метро. Он поправляет лямку рюкзака, разворачивается и уходит, оставляя за собой шлейф из серых, мёртвых цифр. Вселенная внутри него только что закрылась. Навсегда.

Арсений даже не вздыхает. У него нет на это права. У ликвидаторов нет права на эмпатию, только на инвентаризацию.

Он сворачивает в переулок. Здесь меньше неона, больше тени. У стены прижался закрытый ломбард. В витрине, за пыльным стеклом, лежат странные вещи: банка с первым поцелуем (помечена как «неликвид»), метроном, который тикает только назад, и запечатанный конверт с надписью «Неотправленные письма».

Арсений подходит к витрине. Он смотрит не на вещи. Он смотрит в тёмное, матовое стекло, ища своё отражение.

Стекло показывает лишь серую пустоту.

Он опускает взгляд на свою грудь. Там, где у других пульсируют векселя, где у других светится страх, надежда или жадность, у Арсения нет ничего. Его грудь — это не тёмное пятно. Тьма подразумевает наличие света, который она поглощает.

Это абсолютная, кристально чистая бухгалтерская пусто-

та.

Ноль.

Идеальный, безупречный баланс, достигнутый путём тотального списания всех активов. Он давно, ещё в юности, отдал всё. Он заложил свою способность удивляться, чтобы купить уверенность. Он продал право на ошибку, чтобы получить стабильность. Он инкассировал свою способность любить, чтобы не отвлекаться от работы.

Он не чувствует боли от этой пустоты. Боль требует наличия нерва. Арсений — это ходячий, идеально составленный акт сверки. Он стоит перед витриной ломбарда, человек, у которого нечего забрать, и потому он — самый богатый и самый мёртвый человек в этом городе.

Где-то вдалеке снова раздаётся звук. *Кап. Кап. Кап.* Арсений поправляет воротник пальто, разворачивается и идёт в сторону чёрного монолита корпорации «Аква-Вита». У него впереди тяжёлый день. Ему нужно найти того, кто украл у этого города воду.

АКТ I. Титановый саркофаг

Глава 1. Задание

«Аква-Вита» — не просто монолит. Это здание, которое пьёт звук.

Арсений входит в холл, и дверь за его спиной закрывается с таким мягким щелчком, будто кто-то просто перестал дышать. Он делает шаг. Второй. Третий.

Тишина здесь не отсутствует. Тишина здесь присутствует

— как тяжёлая, вязкая субстанция, заполняющая пространство от пола до потолка. Его шаги не эхом отражаются от мраморных стен. Они пылью оседают на полу. Каждый его шаг — это камень, брошенный в колодец, но дна не слышно никогда. Звук просто падает и исчезает, поглощённый архитектурой.

Это акустическая смерть.

Арсений чувствует, как эта тишина начинает давить на барабанные перепонки. Не снаружи — изнутри. Его собственное сердцебиение, обычно неслышимое, становится оглушительным. *Тук. Тук. Тук.* Оно звучит так громко, будто кто-то бьёт молотком по пустой бочке прямо у него в ушах. Он слышит, как кровь течёт по его венам — густая, медленная, как нефть. Он слышит трение своих ресниц при моргании.

Это здание не просто поглощает звук. Оно поглощает всё, что напоминает о жизни.

Он идёт по коридору. Стены здесь не белые и не чёрные. Они цвета застывшего тумана — серо-перламутровые, матовые, не отражающие свет. Свет здесь не бликует. Он просто существует, равномерно распределённый, без источников. Нет ламп. Нет окон. Свет приходит из ниоткуда и уходит в никуда.

Арсений замечает, что его дыхание тоже стало тише. Он специально делает вдох глубже, громче — и звук тут же вязнет в воздухе, будто его засасывает вата. Он пробует кашлянуть. Кашель выходит сухим, плоским, как звук из дешёвого

динамика.

Он понимает: это здание создано для того, чтобы люди здесь переставали слышать себя. Чтобы внутренний голос, который обычно шепчет сомнения, страхи, желания, — замолчал. Чтобы остался только голос того, кто здесь главный.

Он входит в кабинет Главы.

Комната огромная, но кажется тесной. Потолок теряется в серой мгле. В центре — массивный стол из чёрного стекла, за которым сидит человек.

Глава корпорации «Аква-Вита» не выглядит как бизнесмен. Он выглядит как функция. Его костюм безупречен, но не дорог — он просто существует, как часть архитектуры. Его лицо — ни красивое, ни безобразное. Оно нейтральное, как чистый лист бумаги перед тем, как на нём напишут приговор.

Но глаза.

Глаза Главы — это два работающих терминала. В них не отражается свет. В них бегут строки кода, биржевые сводки, цифры, графики. Они не смотрят на Арсения — они его сканируют. Арсений чувствует, как эти глаза проходят сквозь его кожу, мышцы, кости, считывая каждый актив, каждое обязательство, каждую дыру в его балансе.

— Садитесь, — говорит Глава.

Его голос не громкий. Но он не тонет в тишине. Он существует отдельно от неё, как лезвие ножа существует отдельно от масла, которое режет.

Арсений садится. Кресло перед столом мягкое, но не удобное. Оно обнимает тебя, но не поддерживает. Оно создано для того, чтобы ты чувствовал себя ребёнком, которого держат на коленях, — уютно и беспомощно.

Он опускает взгляд и видит, на чём стоит кресло Главы.

Это не пол. Это куча. Гора. Море.

Сожжённые кредитные истории.

Тысячи, миллионы листов бумаги, обугленных по краям, с тлеющими углями посередине. Пепел медленно поднимается от них, но не достигает потолка — он кружится в полуметре над головой Главы, образуя серое, вязкое облако. Арсений видит обрывки слов: *«…обязуюсь вернуть…»*, *«…в случае невыплаты…»*, *«…залоговое имущество…»*, *«…до конца жизни…»*.

Глава сидит на куче сожжённых обещаний. На пепле чужих клятв. И это облако над ним — не дым. Это дистиллированное отчаяние, возгонка человеческого страха перед будущим.

— Вы курите? — спрашивает Арсений. Он не знает, зачем он это спрашивает. Просто нужно сказать что-то, чтобы заполнить эту давящую, ватную тишину.

Глава не отвечает сразу. Его глаза-терминалы на секунду замирают, будто зависают. Потом он медленно улыбается. Улыбка не касается его глаз. Она существует только на губах — механический, отработанный жест.

— Мы не банк, Арсений, — говорит он наконец. — Мы

— министерство приливов.

Он делает паузу. Ждёт, пока слова осядут. Но в этой комнате слова не оседают. Они висят в воздухе, как пылинки.

— Деньги, — продолжает Глава, — это не металл и не бумага. Это вода. Живая, текучая, опасная. Если дать людям всю их жажду сразу, они захлебнутся. Они утонут в собственном желании. Они потребуют больше, чем могут переварить. Они возьмут кредиты на мечты, которые даже не успеют осознать. И тогда начнётся потоп. Инфляция надежд. Гиперинфляция желаний. Крах.

Он наклоняется вперёд. Облако пепла над его головой колышется.

— Мы поняли это. Мы построили плотину.

Арсений смотрит на него. Он пытается прочитать в этих глазах-терминалах хоть какую-то эмоцию — гордость, цинизм, безумие. Но там только данные. Только холодный, стерильный расчёт.

— Плотину из чего? — спрашивает Арсений.

— Из времени, — отвечает Глава. — Из сожалений. Из невысказанных слов. Из всего, что люди отложили на потом. Мы собираем это. Мы аккумулируем. Мы создаём резервуар. И когда придёт время — мы откроем шлюзы. Ровно столько, сколько нужно. Ни каплей больше.

Арсений чувствует, как по его спине пробегает холод. Не страх — он давно разучился бояться. Что-то другое. Что-то похожее на узнавание.

— Зачем я вам? — спрашивает он.

Глава снова улыбается. На этот раз улыбка чуть шире. Но глаза остаются терминалами.

— Потому что у нас проблема, Арсений. Плотина держит. Резервуар полон. Но вода не течёт. Она стоит. Она гниёт. Она превращается в болото.

Он поднимает руку и указывает на пол. Точнее — на то, что под полом.

— Наш главный сейф. Самый глубокий, самый защищённый, самый дорогой. В нём хранится вся ликвидность этого города. Всё, что люди отдали, но не получили. Все их «могло бы быть». И знаешь, что там?

Арсений молчит. Он знает, что сейчас ему скажут. Он чувствует это всей своей пустой, бухгалтерской грудью.

— Там сухо, — говорит Глава. — Там пусто. Там высохшее русло реки.

Он откидывается назад. Кресло скрипит — единственный звук в этой комнате, который кажется живым.

— Мы заперли воду так надёжно, что она забыла, как течь. Мы создали идеальную систему контроля, и эта система контролирует нас. Мы сидим на мешке с золотом, но не можем его потратить. Мы держим город за горло, но сами задыхаемся.

Глава смотрит на Арсения своими глазами-терминалами. И вдруг Арсению кажется, что в этих терминалах мелькнуло что-то. Не эмоция. Нет. Что-то другое.

Усталость.

Бесконечная, смертельная усталость человека, который слишком долго держит небо на своих плечах и забыл, зачем оно ему нужно.

— Нам нужен ликвидатор, — говорит Глава тихо. — Кто-то, кто сможет открыть сейф. Кто-то, кто сможет найти три замка и открыть их. Кто-то, кто сможет заставить воду течь снова.

Он делает паузу.

— И этот кто-то — ты, Арсений.

Арсений смотрит на него. Он хочет спросить: «Почему я?» Он хочет спросить: «Что особенного во мне?» Он хочет спросить: «Почему вы не можете сделать это сами?»

Но он не спрашивает. Потому что уже знает ответ.

Он знает, почему он.

Потому что он пуст.

Потому что у него нет ничего, что можно потерять.

Потому что он — идеальный инструмент. Ходячий ноль. Бухгалтерская пустота. Человек, который так эффективно банкротил других, что давно стал банкротом сам.

— Хорошо, — говорит Арсений.

Он встаёт. Кресло отпускает его неохотно, будто не хочет выпускать.

— Покажите мне сейф.

Глава кивает. Его глаза-терминалы снова бегут по невидимым строкам кода.

— Идём, — говорит он. — Но предупреждаю. То, что ты увидишь внизу, изменит тебя. Ты не сможешь остаться прежним. Ты не сможешь остаться… нулём.

Арсений не отвечает. Он идёт к двери. За его спиной Глава добавляет, и его голос впервые за всю встречу звучит почти… почти по-человечески:

— Прости нас, Арсений. Мы не знали, что плотина может запереть не только воду, но и нас самих.

Арсений выходит в коридор. Тишина снова смыкается вокруг него, как вода. Но теперь он слышит кое-что ещё.

Где-то глубоко внутри его пустой груди, там, где должен быть его собственный, давно забытый звук, что-то шевелится.

Не надежда. Нет.

Что-то другое.

Что-то, что он не может назвать.

Пока не может.

Но оно там есть.

И оно ждёт.

* * *

Глава 2. Спуск в сейф

Лифт не едет вниз. Он падает.

Но это не обычное падение. Это падение сквозь время. Сквозь слои человеческой жадности, спрессованные в геологические пласты, как ископаемые останки вымерших цивилизаций.

Арсений стоит в кабине. Стены лифта — прозрачные, но за ними не шахта. За ними — история.

Первый слой — эпоха бартера. Арсений видит людей в грубых одеждах, меняющих мешки с зерном на глиняные кувшины. Их глаза горят простым, животным желанием: *выжить*. Их жадность — чистая, незамутнённая. Она пахнет потом и землёй.

Второй слой — эпоха золота. Люди в тяжёлых, расшитых одеждах взвешивают монеты на весах. Их глаза уже не горят — они блестят. Жадность здесь тяжёлая, металлическая. Она звенит.

Третий слой — эпоха бумаг. Люди в костюмах подписывают документы. Их глаза пусты. Жадность здесь абстрактная, цифровая. Она шуршит.

Четвёртый слой — эпоха кредитов. Люди в офисной одежде смотрят в экраны терминалов. Их глаза — как у Главы. Жадность здесь невидимая, виртуальная. Она гудит, как серверная.

Пятый слой — эпоха потенциала. Люди без лиц, с призрачными шлейфами цифр за спиной. Их глаза — чёрные дыры. Жадность здесь метафизическая. Она не пахнет, не звенит, не шуршит. Она просто есть. Как гравитация. Как вакуум.

Лифт падает сквозь эти слои. Арсений чувствует, как меняется давление. Не физическое — экзистенциальное. С каждым слоем воздух становится разреженнее. Не потому,

что меньше кислорода. Потому что меньше смысла.

Он понимает: они спускаются не в подвал. Они опускаются в самую глубину, туда, где заканчивается человеческое желание и начинается его окаменелость.

Лифт останавливается.

Двери открываются.

Арсений делает шаг и чувствует, как под его ногами что-то хрустит. Он смотрит вниз.

Пол покрыт чем-то, похожим на соль. Но это не соль. Это кристаллизованные обещания. Миллионы мелких, острых осколков того, что люди когда-то сказали: *«Я куплю тебе дом», «Я вернусь», «Я изменюсь», «Я буду лучше»*. Все эти слова не сбылись. Они выпали из реальности и осели здесь, на дне, превратившись в хрупкую, режущую корку.

Арсений идёт вперёд. Каждый его шаг — как ходьба по битому стеклу. Но он не чувствует боли. Он давно разучился чувствовать боль.

В центре зала стоит титановый саркофаг.

Он огромен. Его поверхность матовая, не отражающая свет. На ней нет украшений, нет надписей. Только одна тонкая линия, идущая по крышке, — как шрам.

Глава стоит рядом. Его глаза-терминалы на секунду замирают. Впервые Арсений видит в них что-то, похожее на страх.

— Открывай, — говорит Глава тихо.

Арсений подходит к саркофагу. Он кладёт руку на крыш-

ку. Титан холодный. Не просто холодный — мёртвый. Он не хранит тепло. Он его отрицает.

Арсений толкает крышку.

Она сдвигается с тихим, протяжным стоном, как стон человека, который слишком долго задерживал дыхание.

И тогда в нос бьёт запах.

Это не запах пыли. Это запах засухи.

Это вонь мёртвой рыбы, высохшей на солнце. Это запах потрескавшейся земли, которая забыла, как пить. Это запах пересохшего горла, которое больше не может глотать. Это запах чего-то, что когда-то было живым, текучим, дающим жизнь, а теперь стало твёрдым, мёртвым, бесполезным.

Арсений заглядывает внутрь саркофага.

Там нет воды. Там нет золота. Там нет серверов с криптой.

Там — русло.

Высохшее, мёртвое русло реки. Потрескавшаяся глина, мёртвые камни, пыль. Оно маленькое — всего несколько метров в длину. Но оно выглядит бесконечным. Как пустыня. Как могила.

Арсений проводит рукой по глине. Она крошится под его пальцами, как пересохшая пергаментная кожа. Он чувствует, как под его рукой рассыпаются чьи-то надежды. Чьи-то мечты. Чьи-то «могло бы быть».

Он поднимает руку. На пальцах — серая пыль. Это пепел несбывшегося.

— Вода не течёт, — шелестит Глава за его спиной. Его

голос впервые звучит не как голос функции. Он звучит как голос человека, который слишком долго молчал. — Потому что она заперта в глаголах. В повелительном наклонении.

Арсений оборачивается.

— В каких глаголах?

Глава делает шаг вперёд. Его глаза-терминалы теперь не бегут по строкам кода. Они смотрят на Арсения. Впервые. По-настоящему. Он смотрит на свои ладони, будто проверяет, не намокли ли они.

— «Дай», — говорит Глава. — «Хочу». «Должен». «Обязан». «Верни». Все эти слова — повелительное наклонение. Они требуют. Они приказывают. Они заставляют мир подчиняться. Но мир — это не раб. Мир — это река. А реку нельзя заставить течь, если она не хочет.

Он указывает на саркофаг.

— Мы сковали воду в этих словах. Мы сказали: «Дай нам власть». «Дай нам богатство». «Дай нам контроль». И вода послушалась. Она пришла. Но мы не заметили, как повелительное наклонение превратилось в проклятие. Мы так долго требовали, что забыли, как просить. Мы так долго приказывали, что забыли, как благодарить. И вода ушла. Она высохла. Она превратилась в это.

Он проводит рукой по краю саркофага.

— Чтобы открыть шлюз, нужно изменить грамматику мироздания. Нужно найти три замка. И открыть их не силой. Не хитростью. А смыслом.

Арсений смотрит на него. Он чувствует, что сейчас ему скажут что-то важное. Что-то, что изменит всё.

— Какие три замка? — спрашивает он.

Глава достаёт из кармана три предмета. Они не металлические. Они сделаны из чего-то другого.

Первый — из застывшего времени. Он выглядит как песчинка, но тяжёлый, как звезда.

Второй — из чужой зависти. Он выглядит как осколок зеркала, но в нём отражается не лицо, а желание.

Третий — из абсолютной тишины. Он выглядит как ничто. Как пустота между словами.

Глава кладёт их на край саркофага.

— Первый замок отпирается тем, чего у тебя нет, но что ты уже отдал.

— Второй замок отпирается тем, что ты видишь в чужом кармане, но не берёшь.

— Третий замок отпирается тем, что растёт, когда его считают, и исчезает, когда его прячут.

Арсений смотрит на ключи. Он чувствует, что это не просто загадки. Это герменевтика. Это искусство толкования скрытого смысла. Это ключи не к замкам — к самому языку, на котором говорит реальность.

Он понимает: чтобы открыть эти замки, ему нужно не взломать систему. Ему нужно переписать её. Изменить грамматику своего собственного существования.

— Сложи три ключа в одно молчание, — говорит Глава.

— И произнеси его вслух наоборот. Не «дай», а «дайся». Не «хочу», а «хочу — и отпускаю». Тогда вода потечёт в сухое русло. И то, что было пусто, станет полно не потому, что ты просил, а потому, что ты перестал запирать.

Арсений смотрит на ключи. Он чувствует, как в его пустой груди что-то шевелится. Не надежда. Не страх. Что-то другое.

Узнавание.

Он понимает: эти ключи — не метафора. Это формула. Зашифрованная формула трансформации реальности через язык.

И он знает, что ему придётся её разгадать.

Потому что он — ликвидатор.

А ликвидаторы не взламывают замки.

Они их читают.

* * *

Глава 3. Загадка

Арсений, прищурив глаза, смотрит на ключи. Они не блестят. Они не отражают свет. Они существуют как-то иначе — как вещи, которые забыли, что должны подчиняться законам физики.

— Бери, — говорит Глава.

Арсений протягивает руку. Его пальцы касаются первого ключа.

И он вздрагивает.

Ключ тёплый. Не просто тёплый — живой. Он пульсиру-

ет. Слабо, едва заметно, но ритмично. Как сердце. Как отрезанная конечность, которая продолжает чувствовать боль в фантомных пальцах.

Это ключ из застывшего времени.

Арсений сжимает его в ладони. И вдруг его сознание заполняется образами. Не своими — чужими.

Он видит старика, который сидит у окна и смотрит на дождь. Старик ждёт кого-то, кто не придёт. Он ждал десять лет. Пятнадцать. Двадцать. И время внутри него застыло. Оно не течёт. Оно стоит. Как вода в болоте. Как кровь в вене, которую перетянули жгутом.

Арсений чувствует эту боль. Фантомную. Боль от того, чего уже нет. Боль от времени, которое умерло, но продолжает болеть.

Он разжимает ладонь. Ключ лежит на ней. Тёплый. Пульсирующий. Как живое существо, которое дышит.

— Первый, — говорит Глава. — Ключ из того, что ты отдал, но чего у тебя больше нет.

Арсений кладёт его в карман пальто. Ключ продолжает пульсировать. Он чувствует его через ткань. Как будто в кармане у него бьётся чужое сердце.

Глава протягивает второй ключ.

Арсений берёт его. И тут же отдёргивает руку.

Ключ липкий.

Он покрыт чем-то, похожим на пот. Но это не его пот. Это чужой. Чужой страх. Чужая зависть. Чужое желание иметь

то, чего нет.

Ключ пахнет. Запах резкий, тошнотворный. Дешёвый парфюм, смешанный с запахом немытого тела. Запах людского вагона в час пик. Запах очереди за социальным пособием. Запах человека, который стоит у витрины ювелирного магазина и представляет, как было бы, если бы он мог купить всё это.

Арсений смотрит на свои пальцы. На них остался липкий след. Он блестит в тусклом свете. Как слюна. Как слёзы. Как что-то, что должно быть внутри тела, но вырвалось наружу.

Это ключ из чужой зависти.

И Арсений вдруг понимает, что он чувствует. Не отвращение. Не брезгливость.

Узнавание.

Он узнаёт этот запах. Он узнаёт эту липкость. Потому что он сам когда-то стоял у витрины. Он сам когда-то смотрел на чужую жизнь и думал: «Почему не я? Почему не мне?»

Он вспоминает. Ему было двадцать. Он сидел в дешёвой кофейне. За соседним столиком сидел человек в дорогом костюме. Человек говорил по телефону. Он говорил о сделках. О миллионах. О том, как он купил дом у моря.

Арсений смотрел на него. И внутри него поднималось что-то. Не злоба. Не гнев. Что-то более тёмное. Более липкое.

Зависть.

Чистая, дистиллированная, концентрированная зависть.

И он понял, что в этот момент он отдал что-то. Не деньги. Не время. Что-то другое. Он отдал свою способность радоваться за других. Он отдал свою способность быть счастливым тем, что у него есть. Он обменял это на желание иметь то, чего у него нет.

И этот обмен оставил след. Липкий. Пахнущий потом и дешёвым парфюмом.

Арсений вытирает пальцы о пальто. След не исчезает. Он въелся в кожу. Как татуировка. Как клеймо.

— Второй, — говорит Глава. — Ключ из того, что ты видишь в чужом кармане, но не берёшь.

Арсений кладёт его в другой карман. Ключ не пульсирует. Он просто лежит там. Липкий. Тёплый. Чужой.

Глава протягивает третий ключ.

Арсений смотрит на него. Он выглядит как все остальные. Но когда Арсений берёт его в руку, он чувствует — тяжесть.

Не физическую. Ключ не весит больше других. Но он тянет. Он оттягивает карман пальто. Как будто внутри него — свинец. Как будто он наполнен чем-то, что должно быть лёгким, но стало тяжёлым.

Это ключ из абсолютной тишины.

И Арсений вдруг понимает, что это за тишина.

Это не отсутствие звука. Это не покой. Это не мир.

Это невысказанное.

Все слова, которые он не сказал. Все признания, которые он проглотил. Все «люблю», которые он оставил в горле. Все

«прости», которые он не произнёс. Все «я боюсь», которые он спрятал глубоко внутри.

Все эти слова не исчезли. Они осели. Они превратились в свинец. В тяжёлый, тёмный, мёртвый груз, который он носит в себе.

И этот ключ — из этого свинца.

Арсений чувствует, как карман пальто оттягивается вниз. Ключ тянет его. Как якорь. Как камень на шее утопленника.

Он пытается дышать. Но воздух кажется густым. Как будто он дышит не воздухом, а этой тишиной. Как будто невысказанные слова заполнили его лёгкие.

— Третий, — говорит Глава тихо. — Ключ из того, что растёт, когда его считают, и исчезает, когда его прячут.

Арсений кладёт его в карман. И сразу чувствует, как пальто становится тяжелее. Не физически — экзистенциально. Как будто он надел на себя не пальто, а доспехи. Как будто он несёт на себе тяжесть всех своих молчаний.

Он стоит перед Главой. В его карманах — три ключа.

Один пульсирует, как фантомная боль.

Другой липнет, как чужая зависть.

Третий тянет вниз, как невысказанное.

Арсений чувствует, как они меняют его. Не постепенно — сразу. Как будто они не просто лежат в карманах. Они проникают сквозь ткань. Сквозь кожу. Сквозь мышцы. Они входят в него. Как вирусы. Как паразиты. Как что-то, что было снаружи, но стало частью его.

Он смотрит на Главу.

— Что теперь? — спрашивает он.

Глава смотрит на него. Его глаза-терминалы на секунду замирают. Впервые Арсений видит в них что-то, похожее на жалость.

— Теперь ты должен их открыть, — говорит Глава. — Но не снаружи. Изнутри.

— Как?

— Ты должен понять, что они значат. Не как загадки. Не как метафоры. А как части тебя.

Арсений молчит. Он чувствует, как ключи в его карманах начинают шевелиться. Не физически — они не двигаются. Но он чувствует их. Как чувствует человек ампутированную ногу. Как чувствует фантом.

Первый ключ пульсирует быстрее. Как будто он просыпается.

Второй ключ становится липче. Как будто он хочет приклеиться.

Третий ключ тяжелее. Как будто он тянет его вниз, в землю.

Арсений понимает: ключи не просто инструменты. Они — зеркала. Они показывают ему то, что он в себе носит. То, что он в себе прячет. То, что он в себе отрицает.

— Я не смогу, — говорит он тихо.

— Сможешь, — отвечает Глава. — Потому что ты уже начал. Ты уже взял их. Ты уже несёшь их. Ты уже часть их.

Арсений смотрит на свои руки. Они дрожат. Впервые за много лет.

Он чувствует, как внутри него поднимается что-то. Не страх. Не паника. Что-то более глубокое. Более тёмное.

Ужас узнавания.

Он понимает: Глава прав. Он не сможет просто открыть замки. Он должен стать ими. Он должен принять в себя всё, что эти ключи символизируют. Он должен признать, что он — это и есть застывшее время. Что он — это и есть чужая зависть. Что он — это и есть невысказанная тишина.

И только тогда, когда он примет это, когда он признает это, когда он станет этим — только тогда он сможет открыть замки.

Потому что замки — не снаружи.

Замки — внутри него.

— Иди, — говорит Глава. — И не возвращайся, пока не откроешь их.

Арсений кивает. Он поворачивается и идёт к двери. Его шаги тяжёлые. Пальто тянет его вниз. Карманы оттянуты весом трёх ключей.

Он выходит из кабинета. Коридор встречает его той же давящей, ватной тишиной. Но теперь он слышит в ней что-то новое.

Он слышит пульсацию.

Это не его сердце. Это ключи. Они бьются в унисон. Как три сердца. Как три голоса. Как три части его души, которые

он наконец-то услышал.

Арсений идёт по коридору. Он не знает, куда. Он знает только одно: он должен открыть эти замки. Не ради города. Не ради воды. Не ради Главы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.